

КАТОЛИЧЕСКИЙ РЕАКЦИОНЕР Н. ГОМЕС ДАВИЛА*А.М. РУТКЕВИЧ*

Слова «реакционный», «реакция», «реакционер» употребляются сегодня для характеристики самых разнообразных политических и культурных феноменов. Ими пользуются прежде всего «левые» для дискредитации «правых». «Реакционером» может оказаться не только какой-нибудь религиозный фундаменталист, но и папа римский (поскольку является противником аборт и однополых браков), не только ультраправый популист, но и президент Франции, увеличивающий на пару лет время выхода на пенсию, и даже немецкий социал-демократ, выступающий за сохранение атомных электростанций, а потому вызывающий полемические нападки «зеленого» депутата бундестага. «Реакционером» в масс медиа называют тех, кто противится переменам, признаваемым благотворными, прогрессу; проблема заключается в том, что сегодня практически все партии принесли клятву верности прогрессу, но понимают его по-разному.

Защита существовавшего прежде порядка вещей, сопротивление революции свойственны консерваторам. Некоторых консерваторов XIX в. можно вполне правомерно именовать «реакционерами», однако в целом консерватизм никак нельзя считать «реакционным» противником перемен. Гизо и Дизраэли в XIX в. или Де Голль и Черчилль в XX в. были консерваторами, но никак не реакционерами. Словосочетание «фашистская реакция» применялось и применяется либералами и социалистами без учета того, что как итальянские фашисты, так и немецкие национал-социалисты четко отличали себя от «реакции» и даже полагали себя «революционерами». В гимне НСДАП («Хорст Вессель») поминаются бойцы, павшие в борьбе с «красными» и с «реакцией». Окончательная утрата власти дворянства, падение авторитета церкви в Германии и в Италии произошли в годы фашизма.

В более узком и более строгом смысле слова под «реакцией» подразумеваются политическая деятельность и идеология элит «старого порядка», сосуществующих и соперничающих с новыми элитами. Иначе говоря, это феномен XIX в., когда буржуазия еще не обрела полного господства и делила власть с дворянством и церковью. Либералы, а затем и социалисты в ту эпоху употребляли слова «реакция», «клерикализм», «обскурантизм», имея в виду власть церкви над умами простонародья, привилегии дворянства, монархические воззрения «верноподданных», «черносотенцев» и т.п. «отсталых элементов». Хотя такими отставшими от «передовых» оказывалось более половины населения европейских стран, в ту эпоху, по крайней мере,

было понятно, кого относят к «реакционерам» с некоторыми на то основаниями. Однако в сфере духа и в то время возникали немалые затруднения, поскольку для зачисления в «мракобесы» всех мыслителей, противившихся либеральному или марксистскому прогрессу требуется безоглядная решимость идеологического толка. Станем ли мы считать столь разных мыслителей XIX в., как Кьеркегор, Шопенгауэр или Достоевский «обскурантами» лишь потому, что они отвергали такого сорта прогресс?

В мире политики «реакция» представляла как защита трона и алтаря, в сфере духа она была прежде всего апологией религиозной веры. Отвергалась реакционерами не наука, а мировоззренческие выводы натуралистов, материалистов, позитивистов, все наследие философии эпохи Просвещения. Этим реакционеры отличались от консерваторов, поскольку консерватизм также многое унаследовал от Просвещения¹. Однако вряд ли уместно характеризовать позицию реакционеров как «обскурантизм» или «иррационализм». Ими отстаивались формы знания и образования, предшествующие Просвещению, а к таковым относятся и античная философия, и средневековая схоластика, и великие философские системы XVII в. Наука Нового времени родилась в предшествующую Просвещению эпоху барокко², Паскаля или Лейбница трудно записать в предтечи материализма и позитивизма.

«Реакция» представляла собой защиту тех форм жизни, которые органически развивались с конца Средневековья вплоть до XIX в. Лучше всего это видно по католической реакции. Хотя среди протестантов и православных встречались убежденные реакционеры, но сами эти конфессии допускали и допускают куда большую индивидуальную свободу, нежели католицизм. На протяжении всего XIX в. католическая церковь находилась в непрестанном конфликте с «духом времени». Свидетель той эпохи, великий историк Я. Буркхардт, так характеризовал религиозную составляющую «сегодняшнего кризиса» (т.е. второй половины XIX в.): «Вся Западная Европа обнаруживает конфликт между мировоззрением, рожденным Французской революцией, и церковью, а именно, католической церковью, — конфликт, имеющий своим глубочайшим основанием оптимизм первого и пессимизм последней»³. Именно католические послереволюционные мыслители (Де Местр, Бональд) были первыми европейскими реакционерами. Однако конфликт затрагивал не только область идей, не говоря уж о политических притязаниях папства. Римский католицизм противостоял современности как своеобразная форма жизни, конфликтующая с экономической и технической рациональностью либерального капитализма⁴. С позиций схоластической рациональности именно эта современность «иррациональна»; к тому же она

безобразна эстетически с точки зрения воспитанного эпохами барокко и классицизма человека; наконец, она бесчеловечна, вопреки всем своим речам о «гуманизме».

Этот конфликт католицизма с современностью утратил сегодня острые формы, характерные для конца XIX — первой половины XX вв. Потерпели крушение политические движения, вроде «Action française», исчезли диктатуры Салазара и Франко. Католический интегризм сегодня представлен незначительным меньшинством католиков; куда чаще встречаются представители «теологии революции» или «теологии освобождения». Но та форма католической реакции на современность («Модерн»), начало которой положил Де Местр, не исчезла. А так как сама католическая церковь после II Ватиканского собора пошла на примирение с *Zeitgeist*, то нынешние католические реакционеры оказываются противниками и папского престола. Одним из таких противников «духа времени» является колумбийский мыслитель Николас Гомес Давила (1913 — 1994).

Он родился в семье богатого колумбийского латифундиста, вскоре после Первой мировой войны его привезли в Париж родители, желавшие дать сыну хорошее образование. Учился он в коллеже бенедиктинцев, лето проводил в Англии. Значительную роль в его образовании сыграли два года, проведенных дома за книгами: Николас заболел тяжелой формой пневмонии и был прикован к постели. Его учили в это время лучшие учителя по истории и древним языкам, в результате он превосходно знал древнегреческий и латинский языки. Греческая трагедия и Фукидид останутся для него несравненными образцами — выше них стоят лишь пророки и отцы церкви.

В 1930 г. он возвращается в Боготу, женится, занимается делами семьи. Формального университетского образования он не получил; как и для многих европейских аристократов времен *ancien régime* хорошее домашнее образование было куда более ценным, чем школьные познания и потребный для продажи своей рабочей силы диплом. В Европе он появился еще однажды, уже после Второй мировой войны — за полгода он с женой объехал основные европейские страны и вернулся в Колумбию.

Жизнь помещика-семьянина, беседы на философские и богословские темы в узком кругу друзей, постоянное чтение (библиотека его насчитывала 30 тыс. томов) и неторопливая работа над текстом со странным названием: «Схолии к предполагаемому тексту». Этот последний не существует, но предполагается. А именно, философско-богословский трактат, который не был написан. Зато к первому тому схолий (на деле — ярких афоризмов), изданному в 1970-е гг., добавился в 1991 г. второй том, а посмертно был издан третий. Выходили они в Боготе мизерным тиражом, и предназначались, судя по

всему, узкому кругу читателей. Известности у Н. Гомеса Давилы не было ни в Колумбии, ни за ее пределами — он к ней и не стремился. Учитывая политические и богословские воззрения Гомеса Давилы, удивления это не вызывает. Если бы он язвительно высмеивал только марксизм, которым «болели» латиноамериканские интеллектуалы в 1970 — 1980-е гг., его имя зазвучало бы раньше, но отторжение демократии, либерализма, идей II Ватиканского собора, честное именование самого себя «реакционером» — все это обрекало его на безвестность. Во франкистской Испании, дл нее, вероятно, могли найтись если не единомышленники, то хотя бы читатели, но там после 1975 г. утвердилось демократия. А латиноамериканские латифундисты чаще всего мало читают.

Первыми Гомеса Давилу открыли для себя немецкие консерваторы — в конце 1980-х годов вышло сокращенное издание первого тома «Схолий». Затем был осуществлен его перевод на итальянский и английский языки, а сегодня существует десятка два переводных изданий (включая польское). Стилистически Гомес Давила является наследником французских «моралистов» — Ларошфуко, Лабрюйера, Вовенарга. По своему содержанию афоризмы относятся прежде всего к сфере политической философии и публицистики. Хотя он довольно часто обращается к вопросам религии, искусства, морали, основное внимание уделяется политике. Гомес Давила не комментирует события дня, чаще всего он их игнорирует; полемика ведется не с теми или иными философами или доктринерами — они вообще его не интересуют. Важны доктрины, которые господствуют в сознании масс, определяют ход событий. Так как доктрины эти не просто ложны, но также губительны для человеческой души, они требуют опровержения. Они разрушают ту христианскую цивилизацию, верность которой хранит Гомес Давила.

Для разрушения цивилизации нет нужды в насилии; все цивилизации умирали от безразличия к тем неповторимым ценностям, которые их создали. Для колумбийского мыслителя наша цивилизация создана мыслью эллинов и верой христиан; греческая трагедия и христианская догматика донныне представляют собой совершенные формы осмысления человеческого удела, тогда как уже философия Нового времени предстает как смесь практического интереса с сентиментализмом. Человеческая жизнь есть непрестанная борьба с глупостью и подлостью; последние несколько веков люди глупели, утрачивали нравственность вместе с умом. Аристократические ценности прошлого исчезают под крики о «правах человека». В аристократические эпохи то, что имеет ценность, не имеет цены; в демократические времена правят деньги, а потому не имеющее цены не имеет и ценности.

Два современных мифа — революции и прав человека — порождены французской революцией. «Французская революция кажется чудесной тому, кто плохо знает ее историю, ужасной тому, кто знает получше, гротескной — знающему ее хорошо»⁵. Приведу еще несколько афоризмов Гомеса Давилы относительно революции, ее инициаторов и ее итогов: «Кульτ человечности питается человеческими жертвоприношениями»⁶; «Всякий освобожденный Прометей в конце концов кончает с собой на груде жертв, казненных по его приказу»⁷; «Революционные интеллектуалы имеют исторической миссией изобретение словаря и тем будущей тирании»⁸; «Демократия празднует культ человечества на пирамиде из черепов»⁹. Революционер обнаруживает «подлинный дух революции» лишь перед осуждающим его самого революционным трибуналом. На революции прошлого ссылаются для того, чтобы оправдать настоящее и указать на желанное будущее.

Ссылки на прогресс и гуманизм в устах как либералов, так и социалистов вызывают ироничные комментарии Гомеса Давилы: «Отвратительнее будущего, которое произвольно готовят прогрессисты, является будущее, которого они желают»¹⁰. Политическая религия «прав человека», «эмансипации», «защиты меньшинств» и т.п. произрастает из совершенно произвольного превознесения «естественного человека», т.е. либо животного, либо совершившего грехопадение существа. Тот «общечеловек», о котором в свое время язвительно высказывался де Местр, теперь с легкостью обнаруживается в офисах, редакциях, кафе; этот массово встречающийся индивид сотворен идеологиями и газетами, но при всем численном росте он остается лишь одной из исторических разновидностей человека. «Первородным грехом либерализма является приписывание каждому индивиду всех возможных атрибутов, относимых к человеку»¹¹. Если брать тот тип человека, который умножается в мегаполисах современного мира, то речь идет о ведущем бессмысленную жизнь, жаждущем чувственных удовольствий и развлечений млекопитающем.

Появление этого животного на сцене истории либералы и социалисты полагают закономерным итогом развития общества. Для Гомеса Давилы «историческая необходимость» вообще есть синоним глупости. Животное нагло утвердило себя на этой сцене, а затем провозгласило свое появление итогом «прогресса». Только критерием «прогресса» в сравнении любых двух эпох или культур оказывается возросшая способность потреблять и убивать. Все прославляемое «господство над природой» разоблачается Гомесом Давилой как «рост способности к гомициду».

Все законы «социальных наук» представляют собой некую «механику», которую задним числом применяют к культурам прошлого.

Если естествознание и традиционные гуманитарные науки он чит, то к социальным наукам относится с нескрываемым презрением — последняя мода в них принимается за «вершину» научного знания. Они насквозь идеологичны и являются изобретением «левых». «Левым» вообще свойственна клевета на прошлое, выступающая как «главный метод творения будущего». Этой механике Гомес Давила, как и большинство консерваторов, противопоставляет органический рост, подчеркивая при этом, что различие между «органическим» и «механическим» в общественных делах является моральным: «органическое» есть итог бесконечных скромных деяний; «механическое» есть результат решительного акта наглости. С наглецами такого рода нет смысла спорить. Того, кто размышляет и молится, ничто не обязывает вступать в диспут со всяким нахватавшимся умных слов болваном.

«Когда мы слышим восклицания: “как цивилизованно!”, “сколь гуманно!”, то не должно быть никаких колебаний: речь идет о каком-нибудь откровенном свинстве»¹². Гомес Давила недвусмысленно осуждает решения Второго Ватиканского собора, в которых ощутим дух примирения со всем этим «свинством». «Слово “человечество” в устах католика означает отступничество, в устах неверующего — предварение убийств»¹³. Если сегодня ссылками на «права человека» готовят не прямые убийства, то наихудшую разновидность рабства — рабство у рабов, ибо «для порабощения индивида нет лучшего повода, нежели “человеческое достоинство”»¹⁴. Объявлять христианство «колыбелью современного мира» — значит выдвигать против христианства суровое обвинение (или просто клеветать на него).

На фоне сегодняшнего политического и культурного убожества в ином свете предстают прежние враги — в них было хоть что-то настоящее. Ненавидевший всю свою жизнь марксизм Гомес Давила пишет: «Современное общество подлеет с такой поспешностью, что каждое следующее утро мы с ностальгией всматриваемся во вчерашнего врага. Ведь марксисты стали казаться чуть ли не последними аристократами Запада»¹⁵. Именно поэтому нередкие в первом томе критические замечания по поводу марксизма постепенно исчезают. Марксистские доктрины — это не диагноз, а симптом. На деле социалисты и коммунисты просто желают иными средствами достичь тех же целей, что и либеральные буржуа. «Когда свобода перестала быть подчинением высшим ценностям эпохи, чтобы сделаться правом на самовыражение нашей незначительной индивидуальности, более ценной кажется и дисциплина социалистического квартала»¹⁶. Как и во многом другом, Гомес Давила опирается на опыт европейских консерваторов и роялистов, готовых признать известную «правду» социалистических требований: уже Доносо Кортес отмечал, что в

сравнении с убожеством либерализма социалистические доктрины содержат в себе «нечто гигантское и грандиозное», так как желают утвердить на Земле царство добра. Французские легитимисты стали вступать в выборные союзы с социалистами еще в 1830-е гг., а «Молодая Англия» во главе с Дизраэли на 1840 год проповедовала ряд социалистических идей. Имелись и более близкие источники: известно, что во время учебы во Франции Гомес Давила интересовался деятельностью Action française и читал Шарля Моррасса, который пытался включить в «интегральный национализм» элементы синдикализма.

Однако главное в оценке марксизма связано не с теориями, а с практикой людей, готовых сражаться и умирать за идеи. Хотя «городские герильерос» в Буэнос-Айресе и Монтевидео 1970-х годов, хоть колумбийские лесные партизаны последних десятилетий выгодно отличаются от *clase discutiadora*, как называл буржуа Доносо Кортес (т.е. парламентских риториков, адвокатов и т.п. «интеллектуалов»), в каковых превратились и их социалистические оппоненты в Европе. Только с интеллектом у коммунистов дела обстоят плохо, а делавшиеся коммунистами западные мыслители совершали жертвоприношение интеллекта. Если с буржуазными и социалистическими партиями у интеллектуала выходит брак по расчету, то брак с коммунистической партией оказывается адюльтером. Марксисты (и социалисты вообще) дают экономические дефиниции буржуазии, чтобы скрыть то, что сами к ней относятся, только принадлежат они мелкой буржуазии, завидующей буржуазии крупной.

Буржуа — это в основном не экономическая категория, а господствующий сегодня тип человека. Буржуазия для Гомеса Давилы есть любое сообщество индивидов, не удовлетворенных тем, что они имеют, и удовлетворенных тем, что они собой представляют. Этот человеческий тип существовал во всех обществах и цивилизациях, но лишь в нашу эпоху сделался господствующим. «Бесклассовое общество» есть общество, в котором нет ни аристократии, ни народа; третье сословие «стало всем». Самодовольство и зависть составляют главные антропологические характеристики буржуа (то, что М. Шелер — вслед за Ницше — именовал *ressentiment*). Античная демократия не имеет почти ничего общего с тем, что ныне обозначается этим словом. Речь вообще должна идти не о власти, тем более не о «народовласти», поскольку правят современными обществами деньги. Еще Токвиль в «Демократии в Америке» определял демократические режимы как те, в которых нет аристократии, т.е. нет лучших. Торжественно провозглашается «равенство возможностей», хотя это никак не соотносится с действительностью. Для Гомеса Давилы тот, кто провозглашает «равенство возможностей», неизбежно приходит

к тому, что начинает преследовать и даже истреблять тех, кому было больше даровано Богом (или природой).

Консерваторы сегодня просто отстаивают буржуазную демократию прошлого в борьбе с наступающей мелкобуржуазной демократией будущего. Поэтому называть себя «консерватором» сегодня означает некую двусмысленность: таковым сегодня оказывается и почитатель де Местра, и сторонник Хайека, вообще любой правый политик, будь он даже рьяным либералом. «Сегодняшние консерваторы — это просто либералы, которым достается от нынешней демократии»¹⁷. Себя Гомес Давила называет поэтому реакционером, а не консерватором: «Реакционер становится консерватором лишь в те эпохи, в которые осталось нечто, заслуживающее сохранения»¹⁸. Сегодняшняя эпоха не такова, сохранять почти нечего.

Как и некоторые предшественники (в России — М. Катков), он обыгрывает слово «реакция» — не реагирует только мертвое. Реакционер воздерживается от идеологических прожектов по поводу будущего, он ясно видит сложность проблем и ищет пути их решения, отталкиваясь от веры в Бога и заданных традицией идеалов. «Быть реакционером — значит не верить в некие predetermined решения, но зорко видеть сложность проблем»¹⁹. Ностальгия по «славному прошлому» чужда реакционеру: в прошлом бывало всякое, в том числе и худое. Реакционер для Гомеса Давилы чем-то родствен революционеру, которому совсем не жаль настоящего. Отличие заключается в том, что именно отвергается в настоящем. Он даже готов брать в качестве образца способ деятельности иных революционеров: войны духа выигрывают не регулярные войска, но добровольцы, партизаны. «Реакционер жаждет не реставрации прошлого, но невероятного разрыва будущего с этим печальным настоящим»²⁰.

Состояние среднего человека западного мира Гомес Давила определяет как глупость и вульгарность. Вульгарность заключается в претенциозности, в желании показать себя не тем, чем ты являешься. Один из афоризмов Гомеса Давилы звучит так: «Жизнь есть непрестанная борьба с глупостью». Глупость не есть психологическая или социальная ограниченность того или иного индивида (или группы) — как только человек признает свое незнание, искренне корит себя за отсутствие понимания, то он уже проявляет разумность. Даже если его IQ низкий, глупцом он не является. Таковым вполне можно считать получившего образование в престижном университете, самоуверенного и преуспевающего индивида, полагающего себя и свое окружение вершиной рациональности и вкуса. Собственно говоря, Гомеса Давила имеет в виду давние слова апостола Павла относительно интеллектуалов времен эллинизма — «называя себя мудрыми, обезумели». В этом он согласен с другими консервативными крити-

ками современности. Замечательную книгу на эту тему еще в 1970-х гг. издал итальянский католический философ М. Шакка²¹, считавший основным признаком глупости отсутствие *pieta*, каковая, будучи прежде всего религиозным чувством благоговения, характеризует также наше отношение к предметам и людям — культура и образование индивида, его добронравие проистекают из понимания человеком своего места в мире. Глупость есть отрицание *pieta* во всех смыслах: не только агрессивное безбожие, но также отсутствие почитания чего бы то ни было, профанация любых идеалов, злобная зависть, стремление «разоблачить» предрассудки тех, кто держится безусловных ценностей. Нигилизм разрушителей прославляется как «эмансипация»; лозунги гуманизма, пацифизма, космополитизма служат прикрытием истребления всех традиций, а крики против авторитаризма скрывают отвержение любых авторитетов — за исключением непререкаемого авторитета пророков и вождей нигилистической революции, а также всякого рода теледив и болтунов из *talk shows*.

Для Гомеса Давилы «борьба с предрассудками» эмансипированных интеллектуалов также есть проявление глупости. Деятельность по разоблачению ограничивается тем, что констатирует наличие интересов и страстей, стоящих за идеологиями. «Остается выяснить: идет ли речь о благородных или подлых интересах, возвышенных или низких страстях»²². Как показывает история, самые решительные действия в этой «борьбе» ведут лишь к появлению все новых идеологических конструктов, принимаемых на веру догм — опаснее всего задевать предрассудки тех, кто считает, что у него таковых не имеется. Современный человек не любит, но ищет убежища в любви; он не надеется, но ищет убежища в надежде; не верит, но ищет убежища в догмах. Лишенный любви догматик готов к любым преступлениям. «Сегодня всякий индивид “с идеалами” является потенциальным убийцей»²³.

Собственно говоря, Гомес Давила и Шакка повторяют здесь то, что нам много раньше писали о нигилистах Достоевский в «Бесах» или Честертон в «Человеке, который был четвергом». Изменилась ситуация. Если ранее «эмансипированные» одиночки или группы все же были маргиналами, то ныне они стали властвующей элитой, насаждающей свою идеологию посредством масс медиа. Немецкий писатель Бото Штраус (в прошлом — «левак») так описывает нынешнюю ситуацию: «То, что раньше было тупой массой, сделалось сегодня тупой просвещенной массой... режим телекратической публичности является самым бескровным господством насилия в истории; ему нет нужды в том, чтобы слетали головы, он просто сделал их избыточными»²⁴. Эпоха многознания плодит невежд во всем, кроме крайне узких специализированных *skills* (умений), притязающих на то, что они суть вершина и цель истории. Для Гомеса Давилы со-

хранность нашего интеллекта зависит от аскезы и гигиены в чтении и поглощении информации: «В век, когда средства массовой информации распространяют бесчисленные глупости, культурный человек определяется не тем, что он знает, а тем, что он игнорирует»²⁵. Героями нашей цивилизации стали аморальные лицедеи.

Все говорят о свободах и правах, ущемление права какого-нибудь папарацци вызывает бурные дебаты. Однако полнейшая свобода слова не компенсирует отсутствие таланта. Свобода вообще не является целью, это средство. Тот, кто считает ее целью, не знает, что с ней делать, когда ее получает. Для христианина автономия индивида есть наивысшее благо, поскольку сотворенный по образу и подобию Бога человек своей свободой отличен от бессмысленности скота. «Зависеть только от воли Бога — вот наша истинная автономия»²⁶. Свободой сегодня именуют возможность пустословить, клеветать, творить кумиры и продавать подороже свое перо: «Нынешний человек требует свободы, дабы безнаказанно процветала подлость»²⁷. Это относится не только к журналистам и политикам. Гомес Давила с насмешкой пишет о модах в современном искусстве, роли «экспертов» в оценке того, что вообще может именоваться ныне искусством. Антибуржуазность на словах прикрывает то, что сегодняшние «творцы» решают лишь одну задачу — быстрого обогащения. «Современный художник восстает против буржуазии, чтобы подороже продавать ей свои художества»²⁸. Предложение соответствует спросу: для современной личности характерно восхищение истерическими поделками. Нынешний индивидуализм не имеет ничего общего с индивидуальностью творца, его Гомес Давила именует «колыбелью вульгарности». Со стороны «экспертов» слышатся похвалы ужасающему китчу, заполнившему стены музеев за последние полвека. Суровым обвинением современному миру является уже его архитектура. Конечно, вкусы в области искусства относительны; только об относительности вкусов чаще всего говорят люди с дурным вкусом...

Гомес Давила не принимает современность эстетически: во многих афоризмах он высмеивает искусство последнего столетия. По существу, он и на политику смотрит эстетически — современная демократия (смесь олигархии с охлократией) прежде всего вульгарна, выдвигает наверх невероятно пошлых болтунов. Такой способ видения политического свойствен далеко не всем мыслителям, относимым к «реакционерам». Более того, он отчасти расходится с католическим интегризмом Гомеса Давилы. Иные из этих афоризмов напоминают афоризмы Ницше, хотя вряд ли есть смысл говорить о «влиянии». Сходен именно подход, угол зрения на политику. Любому образованному русскому читателю сразу делается очевидным сходство со столь же явным эстетическим неприятием мира либерализма,

парламентской демократии у К.Н. Леонтьева, с трудами которого Гомес Давила, разумеется, никак не мог быть знаком. Он принадлежит к тому направлению мысли, которое вполне уместно называть «политическим романтизмом».

Конечно, Н. Гомес Давила является наследником тех французских католических реакционеров, которые сходным образом отвергали рожденный революцией мир, сменивший *ancien régime*. Можно ограничиться словами о том, что времена романтизма давно прошли, что все это безнадежно устарело... Только реакционеры иной раз смотрят на современный мир куда более ясным взглядом, нежели приверженцы тех или иных модных теорий. Скажем, то, что прежний консерватизм умер, а социал-демократия выродилась, Гомес Давила писал в 1970-е гг., задолго до того, как это стало понятно хотя бы некоторым профессорам политической философии²⁹. То, что говорит реакционер, никого не интересует, замечает Гомес Давила: ни тогда, когда он высказывается, поскольку его суждения признаются абсурдными; ни через несколько лет, поскольку сказанное им кажется самоочевидным.

Ностальгия редко способствует зоркости, но для европейски образованного реакционера образцовым прошлым являются великие времена Европы, те ранние этапы европейской традиции, на которых были созданы науки и искусства. Никто не доказал того, что эти открытия с неизбежностью должны были вести к сегодняшнему миру. Хотя Гомес Давила почти не ссылается на своих единомышленников, его взгляд на историю последних трех столетий типичен для консервативных католических интеллектуалов³⁰.

Реакционер является как бы историком наоборот. Историк смотрит из настоящего в прошлое и судит его, пытаясь «взять в скобки» все предрассудки своего времени; реакционер живет прошлым и смотрит из прошлого в настоящее. Иногда ему удастся разглядеть то, чего не замечают его современники. В том числе комичные и отвратительные черты того мира, в котором они живут, смехотворность идей-однодневок, пошлость вкусов, нелепость затвержденных мнений, принимаемых за что-то само собой разумеющееся... Никто не принуждает нас делаться такого сорта реакционерами. Но читать их полезно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Получивший широкое распространение тезис Мангейма, согласно которому консерватизм представляет собой «романтическую реакцию» на Просвещение и рационализм Нового времени в целом, очевидным образом ложен. Юма и Монтескье можно считать предтечами консерватизма,

Бёрк сам был английским просветителем, а Ю. Мёзер – немецким. Романтическая критика Просвещения, конечно, могла иметь (и имела в ряде случаев) «реакционный» характер, но романтиками были и лица совсем иных воззрений. Блейка или Гофмана трудно зачислить в реакционеры, а Гейне был другом, а отчасти и единомышленником, Маркса и Энгельса.

² Она родилась именно из духовных исканий этой эпохи, а не для того, чтобы произвести на свет экономику, технику и политику буржуазного мира (см.: *Шоню П.* Цивилизация классической Европы. – Екатеринбург, 2005. Ч. III).

³ *Буркхардт Я.* Размышления о всемирной истории. – М., 2004. – С. 177.

⁴ См. по этому поводу работу К. Шмитта «Римский католицизм и политическая форма» // *Шмитт К.* Политическая теология. – М.: Канон-пресс-Ц, 2000.

⁵ *Davila N. Gomez.* Escolios a un texto implicito, Instituto colombiano de la cultura. T. I. – Bogota, 1977. – P. 349.

⁶ Ibid. – P. 353.

⁷ Ibid. – P. 228.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. – P. 232.

¹⁰ Ibid. – P. 30.

¹¹ Ibid. – P. 52.

¹² Ibid. – P. 389.

¹³ Ibid. – P. 427.

¹⁴ Ibid. T. II. – P. 31.

¹⁵ Ibid. – P. 123.

¹⁶ Ibid. – P. 140.

¹⁷ Ibid. – P. 220.

¹⁸ Ibid. T. I. – P. 52.

¹⁹ Ibid. T. II. – P. 166.

²⁰ Ibid. – P. 278.

²¹ См.: *Sciaccia M.F.* L'oscuramento dell'intelligenza. – Milano, 1970. Эта работа интересна и тем, что в ней католический мыслитель обрушивается на «западничество» – с великой историей Запада современное «западничество» имеет мало общего, «западничество» разрушает все культуры, но первой его жертвой является европейская цивилизация.

²² *Davila N. Gomez.* Escolios a un texto implicito. T. I. – P. 322.

²³ Ibid. – P. 325.

²⁴ *Strauss B.* Der Aufstand gegen die sekundaere Welt. Bemerkungen zu einer Aesthetik der Anwesenheit. – München; Wien, 1999. – S. 68.

²⁵ *Davila N. Gomez.* Escolios a un texto implicito... T. I. – P. 283.

²⁶ Ibid. – P. 65.

²⁷ Ibid. – P. 344.

²⁸ Ibid. – P. 346.

²⁹ Достаточно сравнить его характеристики консерватизма и социализма с тем, что в конце 1990-х написал Дж. Грей в «Поминках по Просвещению».

³⁰ В качестве примера можно привести недавно переведенную у нас книгу К.Г. Доусона «Боги революции» (СПб., 2002), в которой можно най-

ти близкие оценки не только французской революции, но и последовавшего за ней «прогресса»: «Никогда за весь ход истории силы человеческой тупости, жадности и эгоизма не проявляли себя на таком широком уровне» (С. 309).

Аннотация

В статье рассматриваются воззрения колумбийского философа и писателя Николаса Гомеса Давилы (1913 – 1994), отдаленного наследника католической реакции XIX в. Эстетическое неприятие вульгарности современной цивилизации сочетается в его «Схолиях к ненаписанному трактату» с критикой «прометеевского мифа революции», либерализма и марксизма.

Ключевые слова:

католическая реакция, клерикализм, критика современности, революция, либерализм, марксизм.

Summary

Nicolas Gomez Davila (1913 – 1994) is good known now in many countries as a brilliant author of aphorisms. He himself had characterized his political outlook as «reactionary», and he had right to do so; this Columbian writer is a descendant of long tradition of catholic reaction to Enlightenment, Liberal and Marxist revolutionary optimism.

Keywords:

catholic reaction, clericalism, critics of modernity, revolution, liberalism, marxism.